

Большинство своих исследований, посвященных финскому и близкородственным языкам, ученые Финляндии издают на финском языке. С целью ознакомления лингвистов других стран с работами в этой области в 30-е годы было основано периодическое издание «Studia Fennica», публикующее труды по прибалтийско-финскому языкознанию и этнологии на общепонятных языках. 24-й том этого издания (редактор Х. Лескинен) содержит 10 небольших исследований и обзоров, отражающих новейшие достижения финской диалектологии.

Во вводной статье Х. Лескинена (с. 7—10) дается краткая характеристика современной финской диалектологии в сопоставлении с состоянием ее в прошлом. Первый этап финской диалектологии связан с появлением младограмматической школы, крупнейшим представителем которой в Финляндии был Э. Н. Сетяля. Поскольку письменные памятники прибалтийско-финских языков относительно молоды, данные современных их диалектов служат основной базой, на которой строится сравнительно-историческое исследование. На протяжении многих десятилетий финские лингвисты занимались изучением преимущественно исторической фонетики и лексики диалектов. К настоящему времени опубликовано более 10 монографий, посвященных исторической фонетике отдельных финских диалектов. Есть и работа обобщающего характера — книга М. Рапола «Лекции по исторической фонетике финского языка» [1]. Опубликован составленный Л. Кеттуненом финский диалектный атлас, где показано главным образом распространение фонетических особенностей [2]. Если раньше в основном исследовалась история отдельных звуков, то теперь рассматривается развитие фонологических систем диалектов. Больше внимания уделяется экспериментальной фонетике. В последние десятилетия активизировалось изучение морфологии и синтаксиса диалектов, накоплен соответствующий языковой материал. На основе картотеки, насчитывающей около 8 млн. словарных карточек, создается диалектологический словарь. Финские диалектологи пользуются статистическими методами и электронно-вычислительной техникой. В 70-е годы область исследования расширилась и перешла с территориальных диалектов на социальные. В территориальных же диалектах современного диалектолога интересуют не только архаические черты, но и процесс сглаживания диалектов. Эти тенденции развития нашли отражение и в статьях рецензируемого сборника.

Статья Т. Итконена «История сочетания согласных *ts* в прибалтийско-финских диалектах» (с. 11—28) представляет интерес не только с точки зрения этого конкретного вопроса. Звукоизменение *ts* > *ʃ* (в финно-угорской фонетической транскрипции *ʃ* обозначает глухой зубной

спирант, соответствующий знаку *θ* международного фонетического алфавита), происшедшее в западных диалектах финского языка, для языков мира довольно редко. Оно известно в испанском, где А. Марпине объяснил его непропорциональностью предыдущей фонологической системы [3]. На том же принципе основывается и объяснение Т. Итконена. В прибалтийско-финском языке предполагается следующая система смычных и аффрикат:

<i>kk</i>	<i>ll</i>	<i>pp</i>	<i>cc</i>
<i>k</i>	<i>l</i>	<i>p</i>	—

Вместо ожидаемого одиночного *c* в системе имеется пробел, так как существовавшие в прибалтийско-финском языке на ранней стадии аффрикаты **č* и **š* перешли в *h*, *t* или *s*, сохранилась же геминатная аффриката *cc*. В прибалтийско-финском языке возникло и чередование ступеней согласных, которое сначала представляло собой нефонологическое явление и состояло в том, что одиночные и удвоенные смычные произносились в слабой ступени (в начале закрытого слога) слабее, чем в сильной ступени (в начале открытого слога). Позже разница между сильной и слабой ступенями стала фонологической. В период обособленного развития финского языка слабо-ступенные соответствия *k*, *t*, *p* превратились в звонкие спиранты *γ*, *δ*, *β*. Наличие серии таких спирантов благоприятствовало, очевидно, тому, что соответствием *cc* в слабой ступени стал *ʃ*. Затем по аналогии в сильной ступени произошло изменение *cc* > *ʃʃ*. Итконен констатирует, что классическая фонология лучше подходит для объяснения рассматриваемого явления, чем порождающая фонология.

Однако Т. Итконен предлагает еще и дополнительное объяснение анализируемого изменения. В германском языке сочетание согласных *ts* не встречалось, в древнесверном (древнескандинавском) языке оно возникло примерно в период 550—800 гг. н. э. В германских языках был, однако, *ʃ*, который в древнесверном языке примерно в 700 г. стал звонким. Произношение *ʃ* вместо *ts* в прибалтийско-финских языках могло получить распространение под влиянием живших среди носителей этих языков двуязычных германцев. В таком случае это изменение должно было произойти не позже 550—700 гг. Такое предположение связано со сложившейся в финской лингвистике традицией придавать большое значение влиянию других языков, особенно германскому влиянию, в развитии прибалтийско-финских языков. В 50-е годы в своей работе «От пре-финского к позднему протофинскому» Л. Пости выдвинул гипотезу, согласно которой большинство общеприбалтийско-финских изменений согласных, в том числе возникновение чередования ступеней, объяснимо германским влиянием

[4]. На недостаточную обоснованность этой точки зрения в свое время указывал П. Аристэ [5, см. также 6]. По мнению рецензента, гипотезу Л. Пости не подтверждают и открытия последних лет в области возможных древних германских заимствований; ведь влияние на фонологическую структуру предполагает более глубокие взаимные контакты, чем усвоение заимствованных слов. Вернувшись к предположению Итконена, следует отметить, что оно более вероятно, чем гипотеза Л. Пости, которая касается значительно более раннего периода. В интенсивности скандинавского влияния во второй половине I тысячелетия, особенно на территории Западной Финляндии, сомневаться не приходится.

Э. Кивиниеми дает обзор исследования топонимов в Финляндии (с. 29—46). Первым условием успешной работы является наличие больших собраний материалов, которые сосредоточены в топонимическом архиве Научно-исследовательского центра языков Финляндии. Предполагается, что там зарегистрировано около 85% всех топонимов Финляндии, включая микротопонимию. В большинстве своем соответствующие места нанесены на карты масштабом 1 : 20 000. До 60-х годов в монографиях преобладала традиция группировать названия по мотивам номинации; исследовались также структура и состав названий. Финский топонимист К. Циллиакус разработал новый метод для описания структуры названий. Прежде всего топоним расчленяется согласно глубинному синтаксису. Затем часть названия, которая выражает его особый признак, анализируется, с одной стороны, лексически, с другой, — синтактико-семантически. Эта методика успешно применена в эксперименте с целью выяснения возможности создания содержащего основные топонимические данные архива, пользоваться которым можно с помощью ЭВМ. Много внимания обращалось и на типологическое изучение моделей названий. Автор статьи реферировал свою опубликованную в 1977 г. монографию, посвященную распространению озерных названий, указывающих на кривизну формы объекта [7].

Статья Т. Лехтина «Историческое словообразование прибалтийско-финских глаголов» (с. 47—65) представляет собой резюме опубликованной на финском языке диссертации автора [8]. В этой диссертации рассматривается суф. *-*aida/*äidä*. С помощью сравнительно-исторического метода делается попытка выяснить, какие из глаголов с упомянутым суффиксом могли выступать в прибалтийско-финском праязыке и каким было первичное значение этих производных. Сложные вопросы связаны с тем обстоятельством, что в основном не известны корневые слова, к которым присоединился суф. *-*aida/*äidä*. Т. Лехтинен развивает положения Д. В. Бубриха и Л. Пости о том, что рассматриваемый суффикс не выступал на ранней стадии прибалтийско-финского праязыка, а образовался позже на базе суф. *-*aise/*äise*, опираясь на аналогию глаголов с суф. *-*ada/*ädä*.

Х. Лескинен в статье «Как исчезает

диалект» (с. 67—91) рассматривает изменения в языке тех финнов, которые в 40-х годах переселились с Карельского перешейка в Западную Финляндию. Исследование основывается на статистических данных, полученных путем обработки магнитофонных записей общим объемом в 100 часов. Изучались люди разных возрастов, мужчины и женщины. Наилучшим образом первичный диалект (юго-восточный) сохранился у людей старшего поколения, однако часть людей среднего возраста тоже владеет им достаточно хорошо и даже сознательно пытается сохранить характерные черты этого диалекта. И наоборот, у представителей поколения, родившегося в 50-е годы и позже, явления, свойственные юго-восточному диалекту, встречаются лишь случайно. Язык женщин вообще консервативнее, чем язык мужчин, но эта закономерность не сохраняется в отношении молодежи. Из рассмотренных 14 фонетико-морфологических черт тенденцию к более быстрой утрате имеют те, которые особенно заметно противопоставлены речи коренного населения, например, дифтонги *oa, eä* (в литературном языке и западных диалектах им соответствуют *aa, ää*), форма 3-го л. ед. числа наст. времени с окончанием *oo* от глаголов с основой на *-e* (*juoksoo* «бежит», лит. *juoksee*). Лучше других сохраняются такие диалектные черты, которые сами носители диалекта не замечают, например, полная утрата конечного *k* в позиции перед согласным, где в произношении литературного языка и в большинстве диалектов выступает двойной согласный, идентичный начальному согласному следующего слова (*tulet tänne < *tulek tännek* «иди сюда», в юго-восточном диалекте *tule tänne*).

В фонологии и морфологии прибалтийско-финских языков важное место принадлежит долготе согласных и чередованию одиночных и двойных согласных. Представитель младшего поколения лингвистов А. Миеликяйнен в своей статье (с. 93—117) описывает такие встречающиеся в отдельных диалектах случаи геминации согласных, которые до сих пор системно не изучались. Автор пытается выяснить ход развития этих явлений и связи их с другими, хорошо известными типами геминации. Рассматриваемые Миеликяйненом явления не регулярны ни фонетически, ни морфологически; здесь найдено лишь зарождающиеся звуковые изменения. Материал статьи представляет интерес с точки зрения общей теории звуковых изменений. Автор, однако, не делает никаких обобщений в этом плане.

Статья Х. Паунонена «Заметки об исследовании городских диалектов в Финляндии» (с. 119—138) представляет сравнительно новую область диалектологии. В 1972 г. была создана группа лингвистов для изучения социального варьирования разговорной речи в Хельсинки, позже были охвачены исследованием города Турку, Тампере и Ювяскюля. В статье рассматриваются два фонетических явления — сочетание согласных *ts* и звук *d* как слабоступенное соответствие *t* — в речи разных социальных и возрастных групп жителей Хельсинки и Там-

пере. Информанты составляли три группы в зависимости от образования и рода деятельности, каждая из них в свою очередь делилась на три возрастные группы. Во всех группах наблюдалось употребление форм, не свойственных литературному языку. Наиболее близкой к последнему оказалась речь пожилых людей с высшим образованием, и напротив, пожилые представители рабочего класса употребляют особенно много диалектных форм. Языковые различия между возрастными группами в настоящее время все же значительнее, чем между социальными слоями. Молодежи свойственно избегать отдельные формы литературного языка. Хотя встречающиеся в речи горожан формы нелитературного языка имеют диалектный источник, мы не всегда имеем дело с непосредственным влиянием определенного диалекта; в городе скорее складывается новая система, состоящая из элементов литературного языка и различных диалектов. Например, в речи молодежи Хельсинки получила распространение утрата слабоступенного соответствия *t* (*kaheksan* «восемь» вм. лит. *kahdeksan*), что представляет собой восточнодиалектное явление, хотя в Хельсинки процент жителей — выходцев из Восточной Финляндии невелик. По примеру Хельсинки такие формы распространились и в Тампере, причем для территориальных диалектов этого района они совершенно чужие. Характерна также и лексикализация фонетических явлений: произношение *tt* вм. *ts* литературного языка, которое во многих территориальных диалектах вполне закономерно, в городской речи касается только определенных слов.

А. Ряйсаянен в статье «Взаимотношения непроизводного и производного слова в финском языке» (с. 136—156) разрабатывает такие вопросы, как цепи словообразования и связи между их звеньями в сознании говорящего, так называемое регрессивное словообразование (от суффиксального слова производится слово того же корня без суффикса), роль памяти и творчества в образовании производного, граница между корнем и суффиксом. Автор считает, что говорящий на родном языке при образовании производного опирается как раз на словообразовательные цепи, причем направление словообразования может быть у разных людей различным. Утверждения автора подкрепляются проведенными им психолингвистическими опытами, а также фактами лингвостатистики и истории языка.

И. Савиярви анализирует избыточность при выражении отрицания и возможное ощущение отрицательного глагола в финских диалектах (с. 157—174). В большинстве финно-угорских языков отрицание передается с помощью специального отрицательного глагола, который изменяется по лицам и числам, причем главный глагол остается без личного окончания. Кроме того, в предложении могут выступать факультативные отрицательные элементы, которые призваны подчеркнуть отрицающее содержание предложения. В финском языке такими элементами служат, например, усилительный суф.

-kaan/kään (в утвердительном предложении ему соответствует суф. *-kin*), который может присоединяться как к именам и глаголам, так и к наречиям, а также такие возможные только в отрицательных предложениях слова, как *ensinkään*, *suin-kaan* «никак нет», *ainakaan* «по меньшей мере нет», *koskaan* «никогда», *kukaan* «никто», *mikään* «ничто». Благодаря этим элементам в диалектах возможен эллипс отрицательных глаголов, например, *mä enää muistakka (-kka = -kaan) sitä paikkaa* «я больше не помню этого места», вм. *mä en* (форма 1-го л. отрицательного глагола) *enää muistakka sitä paikkaa*. Таким образом, и в финском языке закладываются основы для такого же развития, как в венгерском языке, где общефинно-угорский отрицательный глагол полностью утрачен.

В последней статье сборника (с. 175—189) инициатор создания Архива звукозаписей финского языка П. Виртаранта рассказывает о деятельности этого учреждения. Широкое использование магнитофонов для сбора языкового материала началось в Финляндии в 50-е годы. Для координирования этой работы и сохранения записей в 1959 г. был основан выше названный архив, который в настоящее время действует при Научно-исследовательском центре языков Финляндии и является одной из основных исследовательских баз для диалектологов. Поскольку появились признаки быстрого нивелирования диалектов, пришло время спешить. Первоначальный план предусматривал записать по каждому финскому говору — а их насчитывается 475 — по меньшей мере 30 часов языковых образцов. К настоящему времени это задание в основном выполнено, а в отношении многих говоров и перевыполнено. К концу 1980 г. в архиве находилось 14 233 часа звуковых записей финских говоров. Из других финно-угорских языков больше всего материала собрано по карельскому — 1269 часов. В рамках научно-технического сотрудничества между СССР и Финляндией финские лингвисты (много раз и П. Виртаранта) проводили запись диалектной речи карельского, эстонского, водского, ливского, мордовского и других языков на территории Советского Союза. Сейчас, по мнению П. Виртаранта, одной из главных задач является запечатление финской разговорной речи нашего века в ее разнообразных проявлениях. По возможности следует продолжать также записи других финно-угорских языков, желательно в сотрудничестве с советскими и венгерскими лингвистами. Работники архива занимаются также расшифровкой магнитофонных записей и публикацией соответствующего материала. В результате этой работы уже увидели свет несколько десятков книг диалектных текстов финского и родственных ему языков, часть из них в фонетической транскрипции, другая часть, предназначенная для широкого читателя, в более простой записи.

Лаанест А. Х.

1. *Rapola M.* Suomen kielen äännehistorian luennot. Helsinki, 1966.
2. *Kettunen L.* Suomen murteet III A. Murrekartasto. Helsinki, 1940.
3. *Martinet A.* Économie des changements phonétiques: traite de phonologie diachronique. Berne, 1955, p. 311—323.
4. *Posti L.* From Pre-Finnic to Late Proto-Finnic.— FUF, 1953, Bd. 31.
5. *Ariste P.* Ühest eesti keele astmevahelduse küsimusest.— Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, 1954, k. III.
6. Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975, с. 36—37.
7. *Kiviniemi E.* Väärät vedet. Tutkimus mallien osuudesta nimenmuodostuksessa. Helsinki, 1977.
8. *Lehtinen T.* Itämerensuomen verbien historiallista johto-oppia: suomen *avajaa*, *karkajaa*-tyyppiset verbit ja niiden vastineet lähisukukielissä.— MSFOu, 1979, t. 169.